

Услышав этот голос, Цзи Хуай, пребывавший в смятении и глухом страхе, резко вскинул голову. Хан Сиэнь стоял совсем рядом. Принц вскочил; лицо его пылало от гнева, но палец, которым он ткнул в сторону незваного гостя, мелко дрожал.

— Как ты сюда попал? — выдохнул он.

Не будь принц так напуган, он бы непременно осыпал Хан Сиэня упреками за вторжение в чужой шатер без спроса. Но нечистая совесть лишает человека твердости. Скрывать страх под личиной благородного негодования у него не получалось, оттого и вопрос прозвучал жалко, выдавая его с головой.

Хан Сиэнь неспешно окинул его взглядом с ног до головы. Ядовитая усмешка медленно сошла с его губ, сменившись выражением напускного, преувеличенного сочувствия.

— Проходя мимо, я заметил, что на пятом принце лица нет, вот и решил заглянуть, проведать, — вкрадчиво произнес он. — Я звал вас у входа, но ответа не дождался. Не на шутку испугавшись, что с вашим высочеством приключилась беда, я решился войти без приглашения. Но застать вас в таком... растрепанном расположении духа — признаться, я удивлен.

Не начни он разговор с откровенной издевки, его тон и лицо действительно можно было бы счесть образцом искренности.

Эти вкрадчивые слова укололи Цзи Хуая сильнее прямого оскорбления. Он опустил руку, сжав пальцы в кулак так, что побелели костяшки, и, пытаясь вернуть самообладание, ледяным тоном произнес:

— Хан Сиэнь. Отец назначил тебя императорским инспектором, и я выказывал тебе должное почтение. Я закрывал глаза на твою дерзость, но не смей заходить слишком далеко. Не испытывай мое терпение.

Хан Сиэнь негромко рассмеялся. Его черты на миг даже смягчились, но прозвучавшие следом слова сочлились чистейшим ядом:

— Судя по вашим словам, ваше высочество, вы меня подставили, а я за это должен еще и низжайше вас благодарить?

Лицо Цзи Хуая потемнело.

— Я понятия не имею, о чем говорит наследник Хань.

— Не знаете — и ладно. Можете счесть мои дальнейшие слова пустой болтовней, — небрежно отмахнулся Хан Сиэнь. — Но я прекрасно знаю, что творится у вас в голове. Вы ведь убеждены, будто я преданно служу Цзи Ло. Думаете, это я расчищал ему дорогу к власти,

убирая с пути всех подряд — включая вашу матушку, — чтобы помочь ему взойти на престол наследного принца?

Цзи Хуай не выдержал и прищурился:

— А разве нет?

Хан Сиэнь одарил его мимолетным, пренебрежительным взглядом:

— Конечно же нет. Наш наследный принц далеко не так ничтожен и труслив, как вы.

Принц переменился в лице, задохнувшись от гнева:

— Ты!..

Хан Сиэнь смерил его ледяным взглядом:

— Вы вините меня в том, что Добродетельная наложница Сянь-фэй оказалась под замком. Но при этом все, на что вы способны — лелеять тайную злобу. В глаза вы мне улыбаетесь, страшаетесь сделать хоть шаг. Наследный принц, когда дело доходит до мести, выказал куда больше смелости, нежели вы.

По правде говоря, Хан Сиэнь и пальцем не пошевелил, чтобы помочь Цзи Ло получить титул. Однако глупо отрицать: не устроил он тогда грандиозный переполох в столице, Цзи Ло вряд ли бы так легко уселся в кресло наследника престола.

Цзи Хуай, чеканя каждое слово, уставился на Хан Сиэня с бешеной ненавистью:

— Хан Сиэнь! Моя матушка выносила меня и вырастила. Пусть для чужаков она совершила немало грехов, но ко мне всегда была добра и искренна! А теперь из-за тебя она томится в заточении, не видя белого света, и нам даже встретиться не позволяют! Неужели я не имею права ненавидеть тебя? Да, я слаб. Но пока теплится хоть искра надежды, я не опущу рук.

— Похвальная сыновняя почтительность, — лениво отозвался Хан Сиэнь. — Жаль только, ума вам это не прибавляет.

Цзи Хуай упрямо сжал губы, не проронив ни звука. Хан Сиэнь смерил его презрительным взглядом и продолжил:

— Дайте-ка я угадаю, в чем состоял ваш хитроумный план. Поначалу, должно быть, вы рассчитывали обзавестись сторонниками в рядах армии Сицзяна. Но тут притащился я, и все

ваши планы пошли прахом — удобного случая так и не представилось. Но вы быстро поняли, что здешнее воинство вовсе не так сплочено, как кажется. Стоило вам заприметить заместителя командующего Чжоу Жаня, как в вашей августейшей голове созрела чудесная мысль разыграть комедию с таинственными записками... Надо же, как усердно вам пришлось выписывать иероглифы Великой Чжоу столь корявым почерком, только бы выдать их за чужие.

Хан Сиэнь сделал паузу и вкрадчиво добавил:

— Впрочем, зная ваш характер — изнеженного царственного отпрыска, привыкшего с пеленок к роскоши и лести, — я сильно сомневаюсь, что вы додумались до этого сами. Кто-то очень умело подтолкнул вас к этому шагу. Вот только интересно: уж не приложили ли к этому руку наши соседи из Сижуня? Они ведь так хотят, чтобы вы пошли на предательство и сговорились с врагами государства...

Стоило прозвучать обвинению в измене, как Цзи Хуай сорвался на крик:

— Довольно! Свои домыслы, наследник Хань, подтверждайте доказательствами! Без улик я и слова не признаю!

Хан Сиэнь равнодушно пожал плечами:

— Ваше высочество, если у вас ко мне личные счета — милости прошу, я всегда готов встретить удар лицом к лицу. Но знайте: единственная причина, по которой вас до сих пор не бросили в темницу вслед за заместителем командующего Чжоу, — лишь то, что улики против вас маловаты. У вас на руках просто не нашли той самой злополучной записки.

Развернувшись, он неторопливо направился к выходу из шатра. У самого полога Хан Сиэнь притормозил и, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Но учтите, ваше высочество: пусть прямых улик нет, я человек на редкость злопамятный и мелочный, да и на язык несдержанный. Я подробно изложу свои подозрения в докладе императору. А уж какие выводы сделает его величество — это не моя забота.

Когда за гостем закрылся полог, Цзи Хуай еще долго стоял посреди шатра, бледный как полотно. Наконец силы оставили его. Он тяжело опустился на постель и спрятал лицо в ладонях.

Хан Сиэнь прав. Он — жалкий, трусливый ничтожник. Он спал и видел, как отомстит за запертую в холодном дворце матушку, но панически боялся даже косо взглянуть на Хан Сиэня. Все, что ему оставалось — убаюкивать себя жалкими фантазиями: вот наступит день, он обретет безграничную власть, и тогда этот высокомерный выскочка сам приползет к нему на коленях, вымаливая пощаду.

Но как дотянуться до этой власти? Поместье герцога Хань находилось под неусыпным надзором Хан Сиэня — соваться туда бессмысленно. В императорском дворце у него больше не осталось союзников. Единственным выходом, единственной соломинкой, за которую он мог уцепиться, была армия. Только военная сила могла дать ему вес.

Но, прибыв в Сицзян, принц не получил и капли влияния. Когда Хан Сиэнь прилюдно сбросил маску, Цзи Хуай, конечно, изумился его истинному облику, но не придавал этому особого значения. Все изменилось в ту ночь, когда в его руки попала таинственная записка. В ней кратко указывались время и место встречи — якобы ради его же «блестящего будущего». А внизу, как бы подтверждая серьезность намерений, размашистым сижунским почерком было выведено родовое имя правящей династии врага: «Хуянь».

Род Хуянь правил Сижунем. Вспомнив, что третий принц враждебного царства, Хуянь Лу, сейчас как раз находится в лагере у заставы Небесных Врат, Цзи Хуай без труда догадался, от кого весточка. Всю ночь он ворочался без сна, содрогаясь от ужаса и искушения. Мысли путались, перед глазами вставали картины его триумфа и неминуемой плахи за измену. К утру страх победил — на встречу он так и не явился.

Чего бы ни добивался от него сижунский принц, связываться с ним было чистым безумием — все равно что просить тигра поделиться шкурой. Цзи Хуай малодушно бросил записку в огонь.

Рассказать о случившемся он тоже никому не мог: любой здравомыслящий человек сразу заподозрил бы его в сговоре с врагом.

И все же эта записка натолкнула его на мысль — использовать похожий трюк, чтобы прощупать почву и проверить верность заместителя командующего Чжоу Жаня. Так они и оказались на той тайной встрече, держа в руках одинаковые клочки бумаги. Беседа вышла короткой, но они прекрасно поняли друг друга без лишних слов, решив действовать сообща, как только представится случай.

Но события стремительно вышли из-под контроля. На следующее утро и у принца, и у Чжоу Жаня в комнатах снова обнаружили записки. Неизвестный доброжелатель обещал «протянуть им руку помощи». А уже к утру заставу Небесных Врат наводнили грязные слухи о Хан Сиэне.

Эти новые послания Цзи Хуай тоже поспешил сжечь, не привлекая внимания. Ползущие по лагерю слухи пугали его до дрожи, но в то же время будоражили кровь предвкушением скорой расправы над врагом. Точно такие же чувства испытывал и Чжоу Жань.

После этого они связывались тайно еще дважды. Чжоу Жань понятия не имел, кто стоит за этой игрой, но рассудил прагматично: почему бы не использовать чужие руки, дабы проучить заносчивого инспектора? А если повезет, они вычислят таинственного отправителя, схватят его и преподнесут это императору как неоценимую заслугу перед престолом.

Сегодня, получив очередное послание, испуганный принц поспешил к Чжоу Жаню. Тот лишь

хмыкнул, разглядывая принесенный клочок бумаги, где красовались иероглифы «Наследник, не имеющий равных под небесами». Вздыхавший и раздухарившийся военачальник не удержался от сальных шуточек, процедив, что Хан Сиэнь — редкий красавец, и пусть он даже мужчина, в постели от такого наверняка можно получить ни с чем не сравнимое удовольствие.

С глазу на глаз Чжоу Жань и раньше не отличался изысканностью манер, но до столь откровенной пошлости никогда не опускался. Очевидно, этими грязными речами он прощупывал принца, проверяя границы дозволенного. Но не успел Цзи Хуай вымолвить и слова, как в комнату ворвался разгневанный Бай Шу и полоснул Чжоу Жаня клинком.

Цзи Хуай так и не понял, что нашло на его сообщника, зато Хан Сиэнь видел всю картину целиком. Накануне Чжоу Жаню донесли, что инспектора связывают весьма деликатные отношения с братьями Бай. И чтобы доказать серьезность своих намерений, таинственный союзник пообещал преподнести военачальнику головы братьев на блюде. Это должно было послужить сокрушительным ударом для Хан Сиэня и одновременно — щедрым даром в знак скрепления их союза.

О том, как у самой границы Бай Шу метким выстрелом пробил руку сижунскому генералу Ухэ, знали все. Чжоу Жань сперва рассчитывал раздуть вокруг этого дела грязные слухи, чтобы загнать строптивого парня в ловушку, а после решил воспользоваться услугами невидимого кукловода, дабы нанести Хан Сиэню чувствительный удар.

Уверенный в собственной безнаказанности, Чжоу Жань окончательно потерял осторожность и дал волю похотливому языку. Он и представить не мог, что подслушавший его грязные излияния Бай Шу придет в такое неистовство.

Юноша никогда не отличался строгими моральными устоями, но из уважения к старшему брату, генералу Бай Вэньханю, старался действовать осмотрительно, не давая врагам поводов для доносов. И все же его нынешний срыв не был простой вспышкой слепого гнева — за ним скрывался холодный расчет.

За те несколько дней, что он провел в лагере, видя бесконечные вздохи и сочувственные взгляды брата, Бай Шу внезапно осознал горькую истину. Хан Сиэнь запретил ему приближаться к себе лишь потому, что давно разгадал его тайные чувства.

Он слишком хорошо знал характер этого человека. Вся та мимолетная мягкость, которую Хан Сиэнь изредка проявлял к нему, рождалась лишь из чувства вины. Не желая связывать себя какими-либо узами, маркиз намеревался отослать его как можно дальше. Гнусные, грязные речи Чжоу Жаня переполнили чашу терпения, и Бай Шу пустил в ход оружие. Нанося удар, он думал лишь об одном: если поднимется грандиозный скандал, Хан Сиэнь уже не сможет делать вид, будто ничего не происходит.

И даже там, на плахе, когда плети с присвистом опускались на его спину, разрывая плоть, Бай

Шу сквозь зубы думал лишь о том, заставит ли эта жертва Хан Сиэня наконец перестать от него бегать.

Обо всем этом Хан Сиэнь догадался без труда при первой же встрече с юношей. При воспоминании об окровавленной, истерзанной спине Бай Шу у него заломило виски. Маркиз устало потер лоб пальцами и негромко, сквозь зубы процедил имя:

— Хуянь Лу.

Сомнений не оставалось: именно сижунский принц подбросил записку Цзи Хуаю. Во время их недавней встречи на границе в голове Хуянь Лу еще не рождалось подобных интриг.

Очевидно, его осенило, стоило лишь увидеть истинное лицо императорского инспектора, скрытое под жуткой маской. Переманив на свою сторону затаившего обиду пятого принца, Хуянь Лу надеялся посеять смуту при дворе Великой Чжоу. Тогда Сижуну осталось бы лишь дожидаться, пока соперники обескровят друг друга, и без труда прибрать ослабленную империю к рукам.

Вот только сижунский принц не учел одного: Цзи Хуай оказался на редкость труслив. При всей своей безграничной ненависти к Хан Сиэню, он и помыслить не смел о том, чтобы пойти на сговор с иноземными варварами и ввергнуть подданных Великой Чжоу в пучину опустошительной войны.

Тем не менее, и принц, и Чжоу Жань не отказались от мысли чужими руками погубить ненавистного инспектора. Потому-то они со злорадным нетерпением следили за происходящим, исподтишка раздувая пламя грязных сплетен.

Хан Сиэнь тряхнул головой, отгоняя навязчивые думы. В сущности, все это пустые хлопоты. Стоит его докладу лечь на императорский стол, и заговорщикам — будь то наглый военачальник Чжоу Жань или трусливый принц Цзи Хуай — придется сполна ответить за свои интриги. Куда сильнее его сейчас заботила участь Бай Шу.

Обнаружившиеся записки заставили великого генерала Лю Хучэна устроить в рядах пограничного войска жесточайшую чистку. Виновника выявили быстро. Предателем оказался один из воинов, недавно выкупленных из вражеского плена. Круглый сирота, не имевший в Великой Чжоу ни жены, ни детей, он легко поддался на уговоры сижунцев. Те пригрозили ему расправой, а после посулили груды золота и сосватали местную девицу. Трусливый по своей природе, воин сдуру подписал бумагу с признанием в измене, и Хуянь Лу крепко держал его на крючке, заставляя выполнять любые приказы.

Лю Хучэн пришел в бешенство. Пользуясь случаем, он не только выкорчевал измену, но и безжалостно реорганизовал тыловые службы и перестроил отряды, некогда верные Чжоу

Жаню. В итоге великий генерал окончательно подмял под себя всю армию Сицзяна, сосредоточив единоличную власть в своих руках.

Хан Сиэнь в эти дела не вмешивался. Впрочем, свой долг инспектора он исполнил исправно: в столицу полетел подробный доклад о проделках Чжоу Жаня и пятого принца. А в графе «предполагаемый зачинщик» четко и без прикрас значилось имя Хуянь Лу.

Придет ли император в ярость, прочитав это послание, маркиза волновало меньше всего.

Вскоре решилась и судьба Бай Шу. С одной стороны, нападение на вышестоящего офицера оставалось неоспоримым преступлением. С другой — Чжоу Жань, хоть и не пошел на прямую измену, утаил вражеские записки, преследуя корыстные цели. Желая выказать уважение Хан Сиэню, Лю Хучэн пошел на хитрость. Официально объявили, будто инструктор Бай раскрыл заговор заместителя командующего и бросился на него, защищая интересы империи. При таком раскладе его заслуги полностью покрывали вину. Однако военный устав требовал строгости: за рукоприкладство юношу все же приговорили к двум неделям ареста — исключительно ради поддержания дисциплины.

Впрочем, арест оказался скорее формальностью. Бай Шу перевели в сухую и чистую одиночную камеру, его раны обрабатывал лучший лекарь, а старшему брату позволялось навещать его хоть каждый день.

Огорчало юношу лишь одно: за все эти две недели Хан Сиэнь так ни разу и не переступил порога его темницы.

Едва выйдя на свободу, Бай Шу даже не стал заходить к брату. Он сразу же оседлал коня и во весь опор помчался в город — разыскивать маркиза.

Тем временем подробные вести о похождениях Хан Сиэня в Сицзяне наконец достигли столицы империи.

Узнав о том, что этот несносный мальчишка своевольно лишил должности генерал-губернатора Сицзяна и под конвоем отправил его в столицу, император от ярости чуть не лишился чувств — у него даже усы задергались. Но следом пришли доклады о дерзком спасении пленных на самой границе и о том, что маркиз наконец явил миру свое истинное лицо, сбросив маску.

В донесениях тайной службы так прямо и писалось: «Истинный облик наследника Хань воистину потрясает воображение, ибо нет ему равных под небесами». Прочитав это, его величество лишь хмыкнул. Он резонно рассудил, что парень уродлив до такой степени, что у шпионов просто язык не повернулся написать это прямо, вот они и прикрылись витиеватыми фразами о «потрясающем уродстве». Что ж, превзойти всех в безобразии — тоже своего рода достижение.

Особого значения этой новости правитель не придавал. В конце концов, дерзкая вылазка против сижунцев прибавила славы всей империи Великой Чжоу, и этот триумф помог сгладить монарший гнев из-за безрассудного смещения генерал-губернатора.

Но покой длился недолго. Когда на резной императорский стол лег очередной секретный свиток с подробным описанием блуждающих по пограничью слухов, его величество поперхнулся и выплюнул только что отхлебнутый чай прямо на бесценные доклады.

В донесении черным по белому значилось: маркиз Хань пользуется безграничным расположением государя вовсе не за верную службу, а потому, что делит с его величеством драконье ложе!

Император невольно содрогнулся, вспомнив жуткую, обезображенную маску Хан Сиэня, которую тот носил три года назад. Такое уродство не забудешь и за вечность — на него же смотреть без содрогания было невозможно!

И вот это страшилище якобы греет его постель?!

Багровый от ярости и стыда, государь швырнул свиток прямо под ноги замершим от страха придворным сановникам.

— Ну? — ледяным, предвещающим бурю тоном осведомился он. — И что мои верные слуги предложат делать с этой гнусностью?

<http://bllate.org/book/20088/2002090>